

Шиллеровские истоки эстетической проблематики в произведениях Ф.М. Достоевского¹

Тимофей Харитонов, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), tikharitonov@edu.hse.ru

В статье приводится характеристика и периодизация рецепции эстетической философии Шиллера в произведениях Достоевского. На основе сопоставления работ обоих авторов делается вывод о значительной степени важности философии Шиллера как для раннего, так и позднего эстетического мировоззрения Достоевского, при этом позиция о содержательной неоригинальности эстетической философии Достоевского подвергается критике. Не смотря на прямое отражение идей «Эстетических писем» Шиллера в статье Достоевского «Г. -бов и вопрос об искусстве», которую иногда называют эстетическим манифестом писателя, сам спектр проблем, к которым Достоевский обращается в контексте своей эстетической философии, все же никак нельзя свести к философии Шиллера. При этом динамика отношения Достоевского к философии Шиллера действительно является ключевым фактором в формировании оригинального эстетического мировоззрения писателя, и значимость Шиллеровского влияния нельзя недооценивать даже в период больших романов. Данные выводы имеют актуальность в контексте более общего проекта систематизации философского мировоззрения Достоевского и сигнализируют выделения эстетики как отдельной самостоятельной области взглядов писателя.

Ключевые слова: Достоевский, Шиллер, Эстетика, Эстетическое воспитание, Гармония, Красота

Для цитирования: Харитонов Т.И. Шиллеровские истоки эстетической проблематики в произведениях Ф. М. Достоевского // Метаморфозис. 2023. Т. 8. №1. С. 9-25.

Введение

Достоевского часто называют одним из самых европейских русских писателей, ведь степень влияния западной литературы, философии, публицистики на взгляды Федора Михайловича действительно трудно переоценить. Пожалуй, одним из самых важных европейских авторов, определивших направление как художественных, так и философских изысканий пи-

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

сателя является Фридрих Шиллер, в любви к работам которого Достоевский признавался еще в юности. Отношение Достоевского к Шиллеру менялось на протяжении его жизни, и каждый исследователь по-своему представляет динамику их взаимодействия во времени, но все же несомненным остается сам факт интенсивности и непрерывности влияния Шиллера на Достоевского на протяжении всего творческого пути писателя. В данной статье приводится рассмотрение одного конкретного контекста взаимодействия русского и немецкого авторов – эстетической философии, где влияние идей Шиллера на мирозерцание Достоевского является наибольшим.

Рассмотрение влияния Шиллера на Достоевского в области эстетики имеет актуальность сразу в нескольких контекстах. Во-первых, исследование Шиллеровского периода во взглядах писателя значимо для систематизации эстетики Достоевского в целом. Эстетика Достоевского в филологическом смысле (как набор художественных установок писателя) изучена очень хорошо, но эстетика Достоевского в философском смысле (как учение о сущности прекрасного) сегодня не только малоизучена, но и даже не вполне выделена как отдельное направление исследования. Тем не менее, если мы все же верим в возможность и целесообразность проекта по систематическому изложению мировоззрения Достоевского (за который в разные времена принимались исследователи совершенно разной направленности)², то мы с необходимостью должны уделить внимание и эстетике. Именно в этом контексте релевантной становится задача периодизации эстетических взглядов писателя и рассмотрение его рецепции других авторов, важнейшим из которых безусловно является Фридрих Шиллер. И хотя вопрос о связи эстетических взглядов Достоевского и Шиллера поднимался в исследовательской литературе и ранее, но именно философским аспектам данной преемственности двух авторов практически всегда уделялось только ограниченное внимание. Так, классические работы А. Лингстад³ и Н. Вальмонта⁴ все же в большей степени привязаны к области филологии, и Шиллер рассматривается в них скорее как писатель, чем как теоретик эстетики.

² В классических работах данной направленности (Напр., у Соловьёва, Бердяева, Лосского) тема эстетики практически полностью игнорируется и понятие «красота» имеет значение в связке с другими категориями – «истиной» и «добром» в контексте рассуждений об этике и метафизике. В наиболее известном современном исследовании Райнхарда Лаута («Философия Достоевского в систематическом изложении») тема эстетики полностью игнорируется, за что его также упрекает Джеймс Сканлан, чья работа «Достоевский как мыслитель» является одной из немногих где теме философской эстетики действительно дается подробное рассмотрение. Помимо этого, из современных работ можно также выделить комплекс статей О.А. Богдановой «Спасет ли мир красота? Проблема красоты и женские характеры в романном творчестве Ф.М. Достоевского», где, что характерно, дается радикально противоположная Сканлановской интерпретация эстетики Достоевского.

³ Lyngstad A.H. *Dostoevskij and Schiller*. Paris: Mouton, 1975.

⁴ Вальмонт Н. Достоевский и Шиллер: Заметки русского германиста. М.: Советский писатель, 1984.

Если же обратиться к современным исследованиям⁵, то в них рассматриваются больше исторические и биографические аспекты прочтения рецепции Достоевским Шиллера, а не философские.

Кроме этого, некоторые авторы (включая, например, Джеймса Скандлана в его работе «Достоевский как мыслитель»), выражают сомнения в содержательной оригинальности эстетических представлений Достоевского относительно идей Шиллера, и в этой связи неизбежно встает вопрос о степени и характере заимствования идей немецкого философа в творчестве Достоевского, и о том, в какой мере его оригинальные взгляды на красоту в действительности отходят от их первоначального шиллеровского истока.

В данной статье приводятся аргументы в пользу того, что несмотря на несомненно большое влияние Шиллера на формирование взглядов Достоевского в ранний период его творчества, позднее творчество писателя все же предполагает другую проблематику и другой контекст обращения к идеям Шиллера, вследствие чего некую единую линейную схему рецепции проводить было бы некорректно. Вместо этого выдвигается тезис о том, что именно через призму рассмотрения динамики отношения Достоевского к философии Шиллера как раз и раскрывается оригинальность воззрений писателя, который в значительной степени усложняет и расширяет контекст применения идей немецкого автора.

Работа разделяется на три части. В первой приводится общая схема взаимодействия Достоевского с философией и творчеством Шиллера, где особенное внимание уделяется его «Письмам об эстетическом воспитании человека». Во второй части проводится анализ эстетической проблематики ранней статьи Достоевского «Г -бов и вопрос об искусстве» и ее сопоставлением с содержанием «Писем» Шиллера. Наконец, в последней части статьи ставится вопрос о содержательной оригинальности эстетики Достоевского и приводится характеристика ранней про-Шиллеровской и поздней пост-Шиллеровской проблематики в произведениях писателя. Выводы статьи суммируются в заключении.

Общая характеристика контекста обращения Достоевского к творчеству Шиллера

Достоевский увлекался Шиллером с самой юности, сохранилось множество писем писателя с восторженными отзывами о тех или иных произведениях немецкого автора, в начале своего творческого пути Достоевский также занимался переводом и изданием некоторых его текстов. Последующая рецепция творчества Шиллера в произведениях Достоевского происхо-

⁵ Напр., Кантор В.К. Две родины Достоевского: попытка осмысления. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021; Steiner L. Dostoevsky as a Romantic Novelist // *Romanticism, Philosophy, and Literature*. 2020. P. 335-357.

дила в более сложном порядке, и вместо некой единой схемы преемственности правильнее было бы говорить о нескольких разных контекстах взаимодействия двух авторов, где Шиллер может являться как положительной так и отрицательной отправной точкой для проблематики Достоевского.

Для примера можно взять периодизацию отношения Достоевского к творчеству Шиллера, которая приводится в классической работе А. Лингстад. Американская исследовательница указывает на непрерывность восприятия идей Шиллера на протяжении всего жизненного пути писателя, но разделяет его на 3 периода: 1) фанатичное восхищение Шиллером в докаторжный период 2) сатирическое, несерьезно-критическое отношение к нему в 60-ые годы (русскоязычные исследователи иногда называют это время периодом «шиллеровщины») и 3) полная идейная ассимиляция с Шиллером в период великих романов.⁶ Тем не менее, такая схема не является абсолютной, и почти каждый исследователь определяет динамику отношений двух авторов как-то иначе. Во-первых, само представление о положительном усвоении идей Шиллера в позднем творчестве Достоевского не является однозначным, ведь несмотря на более частое цитирование Шиллера в поздних романах Достоевского, многие исследователи, наоборот, говорят о разрыве с Шиллером и отказе писателя от эстетических идеалов немецкого романтизма.

Во-вторых, точно так же часто ставится под вопрос и выделение в творчестве Достоевского отдельного периода «шиллеровщины», ведь, несмотря на броскость этого термина, он не используется Достоевским практически нигде кроме отдельных мест в романе «Униженные и оскорбленные». Даже абстрагируясь от проблемы соотношения текста романа и взглядов автора, мы можем как минимум усомниться в том, насколько писатель действительно отворачивается от Шиллера, и насколько обозначение чересчур сентиментального и мечтательного отношения к жизни «шиллеровщиной» в его текстах действительно является критикой, а не само-критикой, например. Таким образом, однозначно можно утверждать только одно: до самого конца своей жизни Достоевский продолжал вести диалог с Шиллером, и его влияние можно проследить практически во всем творчестве писателя от самых ранних произведений до самых поздних. В этой связи рассмотрение всего комплекса взаимодействий двух авторов было бы слишком амбициозной задачей, но в рамках данной статьи мы можем ограничиться одной конкретной областью пересечения их идей, а именно эстетической философией, в рамках которой как в случае Шиллера, так и в случае Достоевского мы можем рассмотреть вполне конкретные тексты.

Важнейшей работой Шиллера по эстетике являются «Письма об эстетическом воспитании человека». Со ссылкой на письмо Федора Михайлови-

⁶ *Lyngstad A.H. Dostoevskij and Schiller. Paris: Mouton, 1975. P. 110.*

ча своему брату от 1844-ого года, где он излагает свои планы по переводу и изданию в России теоретических работ Шиллера, мы можем точно сказать, что с «Философскими письмами» и с «Письмами об эстетическом воспитании» Достоевский ознакомился примерно в этот период⁷. Влияние последнего произведения особенно сильно ощущается в эстетике Достоевского, Н. Вальмонт в книге «Достоевский и Шиллер» убедительно показывает как многие тезисы, высказываемые Достоевским в статье «Г. -бов и вопрос об искусстве», которую принято считать чем-то вроде эстетического манифеста раннего Достоевского, являются практически точными парафразами со слов Шиллера из его «Писем»⁸.

В «Письмах об эстетическом воспитании человека» Шиллер излагает свою программу по восстановлению утраченной целостности и гармонии в человеке, который в контексте Европы промышленной революции становится только «одномерной функцией» и, идя на поводу у своих влечений в разных контекстах впадает то в «дикарство», то в «варварство».⁹ Шиллер описывает человека как балансирующего между чувственными и формальными побуждениями. Изменчивый физический мир, данный нам в ощущениях, представляется для человека потоком бесконечного становления. Но человек также обладает разумом, который позволяет предписывать миру некоторую закономерность (прежде всего моральную), в силу того, что постулаты разума вечны и не зависят от условий изменчивого чувственного мира. Таким образом, следуя формальному побуждению разума, человек приобщается к вечной истине, и от чистой потенциальности чувственного приходит к абсолютной актуальности вечных и неизменных законов разума, организует бесконечность изменчивых чувственных побуждений сообразно со своей разумной природой.

Но шиллеровский идеал основывается не на подчинении чувства разуму, а на объединении чувственных и разумных побуждений, которое возможно только через приобщение к красоте. Идя на поводу у чувства, человек теряет себя в множественности становления, а следуя исключительно разуму и пренебрегая чувственными побуждениями, человек, наоборот, отстраняется от мира в пользу «пустой формы», у которой не может быть никакого действительно содержания без той изменчивой реальности, которая нам дана в ощущениях.¹⁰ Вследствие этого, восстановление целостности человека, то есть возвращение к его подлинной природе возможно только через единение формы и содержания через «гармоническое развитие сово-

⁷ Вальмонт Н. Достоевский и Шиллер: Заметки русского германиста. М.: Советский писатель, 1984. С. 218.

⁸ Напр., Там же. С. 220.

⁹ Шиллер Ф. Собр. соч.: В 7 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. Т.6. С. 28.

¹⁰ Там же.

купности наших чувственных и духовных сил»¹¹. Таким гармонизирующим началом, соединяющим разум и чувство, форму и содержание, и является красота, которая, где нужно, может «смягчить» нравы человека, а где нужно «напрячь» и усилить их.¹² Основываясь на данном представлении Шиллер приходит к выводу о том, что человек по своей природе «предрасположен» к созерцанию красоты, он имеет врожденную в ней потребность, и идеалом красоты для него как раз и должен являться образ целостного гармоничного человека, объединяющий в себе разум и чувство. В приобщении человека к этому идеалу красоты и развитию его вкуса как раз и заключается воспитательная функция искусства, и именно через искусство человек может вернуться к своей природе.

Красота, с точки зрения Шиллера, является «одновременно и состоянием нашим, и нашим действием», она является одновременно и объектом для созерцания и мышления, и чувствованием этого объекта со стороны человека, «она есть форма ибо мы ее созерцаем, но в то же время она есть жизнь, ибо мы ее чувствуем»¹³. Таким образом, подлинное приобщение к красоте становится возможным не только благодаря созерцанию прекрасного в искусстве, но и через воплощение прекрасного в своей жизни, через жизнь сообразно с чувством прекрасного, ведь «человек становится живым образом лишь тогда, когда его форма живет в нашем ощущении и его жизнь принимает форму в нашем рассудке, и это случается всякий раз, когда мы начинаем оценивать его как нечто прекрасное»¹⁴.

Такой акцент на личном жизненном воплощении идеала красоты во многих отношениях соотносится с проблематикой творчества Достоевского, где эстетическая проблематика также почти всегда рассматривается на уровне конкретного человека и идеал красоты часто воспринимается не как объективно данное качество, но как образ жизни. Помимо этого, Достоевский явно заимствует у Шиллера и его представление о гармоническом развитии человека под воздействием искусства и само представление о прекрасном в искусстве как гармонии абстрактной формы и чувственно воспринимаемого содержания. Подробнее данные идеи будут рассмотрены в следующем разделе.

Подводя итоги данного раздела можно дать следующую характеристику рецепции идей Шиллера в мировоззрении Достоевского. По мере того как усложняется идейная проблематика творчества Достоевского, он начинает уделять все большее внимание философии Шиллера, а не только его художественному творчеству, и из писателя, кумира юности, Шиллер ста-

¹¹ Шиллер Ф. Собр. соч.: В 7 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. Т.6. С. 13.

¹² Там же. С. 42.

¹³ Там же. С. 152.

¹⁴ Там же. С. 180.

новится также и идейным ориентиром для Федора Михайловича. Впоследствии восприятие Шиллера как писателя и Шиллера как философа разделяются в мировоззрении Достоевского, вследствие чего выделить некоторую единую хронологическую схему отношения Достоевского к Шиллеру не получится, и имеющиеся разночтения в исследовательской литературе относительно характера отношения Достоевского к Шиллеру могли возникнуть как раз из-за отсутствия четкого разделения между философией и творчеством Шиллера как объектами рецепции Достоевского. Если же обратиться именно к философии, то неоспоримым является больше значение «Философских писем» Шиллера для становления эстетического мировоззрения Достоевского. Представление Шиллера о красоте как об идеале гармонии, уравнивающим разумные и чувственные устремления человека, напрямую воспроизводится и впоследствии только усложняется в творчестве писателя. В наибольшей степени мотивы эстетики Шиллера отразились в ранней статье писателя «Г. -бов и вопрос об искусстве», рассмотрение которой приводится в следующем разделе.

Статья «Г-н -бов и вопрос об искусстве» как эстетический манифест Достоевского

Статья Достоевского «Г. -бов и вопрос об искусстве» была опубликована в его «Ряде статей о русской литературе» в 1861-ом году – в одно время с публикацией романа «Униженные и оскорбленные» и за 7 лет до «Преступления и наказания», поэтому ее в целом можно отнести к раннему периоду творчества Достоевского. Но, несмотря на этот ранний характер, ее также часто воспринимают как эстетический манифест писателя, в котором заложены основы художественной проблематики многих его последующих произведений.

В центре статьи Достоевского стоит вопрос о сущности прекрасного и социальном значении искусства. Достоевский противопоставляет два подхода к искусству - утилитарный, в рамках которого искусство должно полностью подчиниться действительности, и критерием ценности художественного произведения считается его польза для общества, и - второй противоположный взгляд на искусство как на нечто самоценное, не нуждающееся в утилитарном обосновании, намеренно бесполезное. Сам Достоевский при этом занимает третью, компромиссную, позицию, в рамках которой он сближается и со сторонниками чистого искусства в признании самобытной органической жизни искусства и в том, что оно далеко не обязательно должно иметь очевидную и непосредственную пользу для человека (мы никогда не можем оценить, сколько пользы может принести однажды врезавшееся в память юноши впечатление о статуе Аполлона Бельведерского); и с утилитаристами в том отношении, что искусство все же должно быть своевременным и прежде всего служить человеку (едва ли будет уместно в день земле-

трясения публиковать в газетах возвышенное стихотворение о радости жизни). «Признак настоящего искусства», с точки зрения Достоевского состоит в том, что «оно всегда современно, насущно-полезно», ведь оно отвечает «всегдашней потребности красоты и высшего идеала ее».¹⁵ Действительная полезность искусства осуществляется в полной мере именно тогда, когда оно не ограничено требованиями социальных критиков, которые низводят красоту до инструмента решения остросоциальных вопросов, и воображение творца довольствуется абсолютной свободой.

Если Шиллер (несмотря на реакционный характер его работы) все же больше говорит о красоте самой по себе и о том, как она соотносится с природой человека, то для Достоевского в данной статье на первый план выступает именно социальная ее функция – писатель рассуждает здесь именно о красоте в искусстве, о роли искусства в жизни человека и общества, о том как нужно оценивать искусство, и проблемах литературной критики его времени. Эта социальная направленность статьи Достоевского во многом обусловлена ее программным характером, ведь сама необходимость в сопоставлении идеалов утилитаризма и чистого искусства возникает у него в контексте полемики с социально-ориентированной литературной критикой своего времени. Хотя название статьи отсылает именно к Николаю Добролюбову, по ссылкам самого писателя и общему тону работы также становится понятно, что критика Достоевского распространяется и на многих других интеллектуалов 1850-ых – 1860-ых годов – Белинского, Писарева, и, конечно, Чернышевского, чья работа «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855) также может быть воспринята как своего рода эстетический манифест. Подобно тому как в контексте самой статьи Достоевский выделяет два фундаментальных взгляда на искусство, так же и при рассмотрении идейных влияний на эстетику Достоевского мы можем выделить два противоположных полюса, один из них безусловно ассоциируется с идеями Шиллера, но с другой стороны мы также обнаруживаем рецепцию утилитаристов и Чернышевского.

Несмотря на то, что как литературный критик социальной направленности Чернышевский хорошо вписывается в полемический контекст статьи Достоевского, рецепция писателем его диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» все еще остается предметом споров. Хотя полемика с Чернышевским в целом является значимым мотивом в творчестве Достоевского, и уже буквально через три года после статьи «Г-н -бов» в «Записках из подполья» (1864) Достоевский обрушится с резкой критикой на утилитарную утопию Чернышевского, в самой статье писатель выдвигает тезисы не сильно отходящие от того, что писал в своей диссертации Чернышевский. В рамках своей эстетической теории Чернышевский

¹⁵ Достоевский Ф.М. Г. -бов и вопрос об искусстве (1861) // История эстетики: Памятники мировой эстетической мысли. 1969. №. 5. С. 113.

выступает не таким радикальным утилитаристом как в своей социальной критике, и его представление о сущности прекрасного не сильно отличается от представления Достоевского. Л.Н. Житкова проводит различие в отношении того, как Достоевский и Чернышевский описывают сущность искусства, и указывает на то, что «если для Чернышевского связь искусства с действительностью осуществляется по гносеологической схеме “воспроизведения” и “отражения”, чреватой механистичностью, то для Достоевского в искусстве реализуется природная эстетическая потребность человека – оно творит по законам красоты и гармонии»,¹⁶ но отмечает при этом, что представления писателя о сущности прекрасного «близки по содержанию к категории прекрасного у Чернышевского». ¹⁷ Формула Чернышевского «прекрасное есть жизнь» во многих отношениях созвучна эстетике Достоевского и проходящим через все его творчество мотивом любования «живой жизнью». Так же как и Чернышевский, Достоевский считал, что «красота присуща всему здоровому, то есть наиболее живущему, и есть необходимая потребность организма человеческого», и в этом отношении говорить о полемике двух авторов в контексте эстетической философии затруднительно. Если социально-ориентированную литературную критику 60-ых годов однозначно можно назвать негативной отправной точкой для эстетики Достоевского, то в случае с работами Чернышевского мы также можем говорить и о положительном сходстве или даже преемственности. Хотя отношение Достоевского конкретно к магистерской диссертации Чернышевского нам неизвестно, мы все же не можем отрицать огромного значения идей Чернышевского в формировании проблематики творчества писателя, а значит вполне уместно будет предположить, что это влияние не обошло стороной и эстетическую ее часть тоже.

Таким образом, рассматривая Чернышевского и Шиллера как два (условных) полюса формирования эстетического мировоззрения Достоевского, мы можем представить себе вполне конкретную ее схему. Достоевский спорит с утилитаристами, защищая самоценность искусства, но при этом окончательно не сближается во взглядах с их идейными противниками, сторонниками «чистого искусства», указывая на сущность противоречия между этими идеологиями во вполне шиллеровской антиномии между приматом содержания и приматом формы. Подобно Шиллеру, Достоевский также ищет срединный путь между бессодержательным поклонением вечному и неоформленным поклонением актуальному. В частности, определяя две крайности негармонического понимания красоты Шиллер писал: «мы

¹⁶ Житкова Л.Н. Эстетика революционеров-демократов // Достоевский: Эстетика и поэтика: Словарь-справочник / науч. ред. Г.К. Щенников. Челябинск: Металл, 1997 [Электронный ресурс]. URL: <https://fedordostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/059/> (дата обращения: 10.09.2023).

¹⁷ Там же.

знаем, что человек не исключительно материален и не исключительно духовен. Поэтому красота, как завершение существа человека, не может быть исключительно только жизнью, как это утверждали остроумные наблюдатели, слишком точно следовавшие указаниям опыта, а вкус настоящего времени именно в этом и желал бы видеть красоту; но красота не может быть и исключительно образом, как это утверждали умозрительные мудрецы, слишком удалившиеся от указаний опыта». ¹⁸ «Остроумных наблюдателей», следующих «вкусу настоящего времени» в данном случае можно отождествить с утилитаристами, а «умозрительных мудрецов» со сторонниками «чистого искусства», о которых в своей статье писал Достоевский. Не новыми являются и рассуждения Достоевского о более фундаментальном смысле прекрасного. В полном созвучии с Шиллером, который писал о том, что красота «восстанавливает в напряженном человеке гармонию», ¹⁹ Достоевский утверждает, что красота «есть гармония; в ней залог успокоения; она воплощает человеку и человечеству его идеалы». ²⁰

Несмотря на отсутствие ссылок на работы немецкого автора, мы все же можем с большой долей уверенности полагать, что в статье «Г-н -бов» Достоевский воспроизводит именно эстетическую философию Шиллера, рассматривая ее в контексте русского литературного дискурса. Достоевский следует за Шиллером и в своих теоретических рассуждениях о смысле прекрасного, и в своем видении смысла искусства и его социальной роли, но все же точно так же как работа Шиллера не может быть воспринята вне ее социального контекста («Письма» являются реакцией Шиллера на французскую революцию), так же и социальный контекст рассмотрения эстетической проблематики в статье Достоевского в значительной степени опосредует ее оригинальность и интерес для исследователей. Но для того, чтобы говорить о содержательной оригинальности эстетических воззрений писателя, все же необходимо обратиться к его более позднему творчеству, на формирование проблематики которого также не мог не оказать влияния Шиллер.

Рецепция идей Шиллера как фактор формирования оригинальной эстетики Достоевского

Видя такое доскональное следование Достоевского за идеями немецкого философа, мы не можем не задаться вопросом о предпосылках формирования его оригинального эстетического мировоззрения. Многие исследователи (напр. Дж. Сканлан в книге «Философия Достоевского в систематическом изложении») утверждает, что Достоевский самого конца жизни сохранял верность эстетическим идеалам Шиллера и оригинальность До-

¹⁸ Шиллер Ф. Собр. соч.: В 7 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. Т.6. С. 184.

¹⁹ Там же. С. 32.

²⁰ Там же. С. 115.

стоевского заключается не столько в самом содержании его эстетики, сколько в нахождении аргументов и применении идей немецкого мыслителя в более широком контексте²¹. В интерпретации Сканлана Достоевский как философ этом смысле сопоставим с Зеноном Элейским, который также четко следовал за идеями Парменида, но при этом его апории, положившие начало античной диалектики, очевидно обладают и самостоятельной ценностью в отрыве от идей Парменида. В качестве подобной апории можно рассматривать и те антиномии эстетики, которые мы находим в произведениях Достоевского.

Кроме этого, мы вовсе не обязаны соглашаться со Сканланом и говорить об отсутствии содержательной оригинальности в эстетике Достоевского. Интерес Достоевского к Шиллеру действительно не угасает, а может быть даже и усиливается на протяжении его жизни, и «Братьев Карамазовых» часто называют самым Шиллеровским произведением писателя. Сам сюжет романа во многих отношениях воспроизводит «Разбойников» Шиллера, роман также насыщен цитатами немецкого классика. Дмитрий Карамазов зачитывает в романе «Оду к радости» Шиллера, а образ «возвращения обратного билета» Бога из рассуждения Ивана о возвращении Богу по всей видимости является реминисценцией на стихотворение Шиллера «Колокол»²².

Но отдавая дань немецкому автору в «Братьях Карамазовых», Достоевский далеко не обязательно остается верен его идеям. Взгляды того же Ивана Карамазова ни в коей мере не были близки Достоевскому, а буквально через несколько абзацев после прочтения «Оды к радости» Дмитрий Карамазов произносит свои знаменитые слова о том, что красота может быть и в «Содоме» и оказывается местом битвы дьявола с Богом. Обозначение такого фундаментального дуализма в самой сущности красоты является очевидным отступлением Достоевского от Шиллеровских идей. Если в идее «красота спасет мир» мы все же можем увидеть выражение Шиллеровского романтического духа (хотя и такая интерпретация тоже была бы слишком прямолинейной), то «Карамазовская» формула эстетики уже очевидно не соответствует его философии. Н. Вальмонт в своей монографии даже говорит о том, что в эстетической проблематике «Братьев Карамазовых» Достоевского мы можем увидеть «прямую полемику с Шиллером»²³. Большинство авторов все же сходятся во мнении о том, что, начиная с романа «Идиот», Достоевский осознает проблематичность эстетики Шиллера и начинает формулировать свое собственное оригинальное христианское пред-

²¹ Сканлан Д. Достоевский как мыслитель / современная западная русистика. М.: Академический проект, 2006. С. 162.

²² Кантор В.К. Две родины Достоевского: попытка осмысления. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. С. 203.

²³ Вальмонт Н. Достоевский и Шиллер: Заметки русского германиста. М.: Советский писатель, 1984. С. 220.

ставление об эстетике^{24, 25, 26, 27, 28}

Статья «Г. -бов» и вопрос об искусстве наиболее полно отражают мировоззрение Достоевского на рубеже 60-ых годов, в этой статье мы видим сильнейшую привязанность Достоевского к Шиллеру, и говорить об оригинальности его эстетической мысли на данном этапе достаточно трудно. Тем не менее именно шиллеровские идеи послужили отправной точкой для самобытной христианской эстетики Достоевского, ведь эта статья не только задает проблематику многих последующих его произведений, но и характеризует основные принципы, которые впоследствии будут перенесены писателем на христианскую почву. Главным из таких принципов, является представление о фундаментальной потребности человека в красоте, которая впоследствии послужит предпосылкой для формирования эстетической утопии «Красота спасет мир». Такой переход от содержания про-Шиллеровской статьи «Г. -бов» к глубоко христианской проблематике «Идиота» был очень четко описан М. Мочульским в книге «Гоголь. Соловьев. Достоевский». Мочульский сводит содержание статьи «Г. -бов» к одному фундаментальному принципу «Красота полезнее пользы, ибо она конечная цель существования.» И именно здесь, «именно на этой вершине,» с его точки зрения, «путь искусства встречается с путем религии». «Идея красоты» описанная в данной статье Достоевского «мистически углубляется в больших романах и завершается пророчеством: “красота спасет мир”»²⁹.

Замечание Мочульского кажется мне крайне уместным и в целом полезным для осмысления эстетики Достоевского, но все же стоит отметить, что это «углубление идеи красоты» действительно можно назвать скорее «мистическим», ведь рассуждения о фундаментальном значении красоты как воплощении метафизического абсолюта выступают в статье «Г. -бов» скорее между словом, и в ее центре все еще лежит именно проблематика искусства, а не красоты самой по себе. Эту статью часто называют эстетическим манифестом писателя, и такая точка зрения действительно имеет право на существование, но все же эстетическая проблематика раскрывается здесь слегка одномерно. Проблема искусства безусловно была важна для Достоевского, свои рассуждения из статьи «Г. -бов» писатель впоследствии вложит в уста Степана Трофимовича Верховенского в романе «Бесы». По-

²⁴ Goerner T. The theme of art and aesthetics in Dostoevsky's "The idiot" // *Ulbandus Review*. 1982. V. 2, №. 2. P. 84.

²⁵ Богданова О.А. Спасет ли мир красота? Проблема красоты и женские характеры в романном творчестве Ф. М. Достоевского // *Новый филологический вестник*. 2013. №4 (27). С. 20.

²⁶ *Вальмонт Н.* Достоевский и Шиллер: Заметки русского германиста. М.: Советский писатель, 1984. С. 221.

²⁷ *Кантор В.К.* Две родины Достоевского: попытка осмысления. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. С. 205.

²⁸ *Мочульский К.В.* Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. С. 48.

²⁹ Там же.

мимо этого, стоит также отметить большое значение произведений искусства в художественном мире писателя, например, картине Ганса Гольбейна младшего «Христос во гробу» посвящена одна из ключевых сцен романа «Идиот», и эта картина имеет большое значение в контексте эстетической проблематики произведения. В этом отношении мы действительно не можем недооценивать значение тех рассуждений о смысле искусства, которые писатель приводит в статье «Г. -бов», но при этом также необходимо отметить, что эстетика Достоевского никак не ограничивается этой проблемой. В произведениях писателя мы находим рассуждения о красоте как о «страшной силе», как о «поле битвы» дьявола с Богом, в своих заметках он рассуждает о спасительной красоте Христа, о пленяющей красоте Антихриста, о загадочной красоте, открывающейся при «соприкосновении с мирами иными», о красоте в «народном благообразии». Красота для Достоевского – это прежде всего метафизическая категория, и это также одна из центральных категорий, необходимых для осмысления его представления о христианстве, а в «Идиоте» и «Бесах» проблеме красоты также придается и эсхатологическое значение.

В этом смысле статья «Г. -бов», выражающая позицию писателя по вопросу о роли искусства и проблеме художественной оценки, в действительности открывает лишь самый непосредственный, поверхностный уровень проблематики красоты, которая впоследствии с полной силой воплотится в больших романах Достоевского. В данной статье мы находим в зачатках ряд идей о сути искусства и эстетической потребности человека, которые впоследствии будут воспроизводиться в его романах, но ее содержание все еще слишком сильно привязано к эстетике и Шиллера и не отражает в полной мере всей сложности эстетической проблематики позднего творчества писателя. Именно поэтому статья «Г. -бов и вопрос об искусстве» это только начало, отправная точка эстетической теории Достоевского, но полное ее раскрытие мы можем увидеть только в его последующих романах. Но в этом же вводном характере как раз и заключается ценность данной статьи Достоевского, в публицистическом виде Достоевский изложил ту позицию, которая впоследствии будет проблематизироваться и усложняться в его художественных произведениях, ни в письмах, ни в заметках, ни в «Дневнике писателя» Достоевский больше не будет так же подробно и эксплицитно обращаться к проблематике красоты как в данной статье, и в этом смысле ее ценность для осмысления творчества писателя колоссальна. Шиллеровские идеи, изложенные в статье «Г. -бов и вопрос об искусстве» опосредуют всю оригинальную эстетическую проблематику, которая стоит в центре романов «Идиот», «Бесы» и «Братья Карамазовы», и в этом смысле вся эстетика Достоевского – и ранняя и поздняя – так или иначе берет свои корни в творчестве немецкого философа, и при рассмотрении оригинальной эстетики Достоевского мы в конечном итоге обращаемся к критике, переосмысле-

нию, реконтекстуализации идей Шиллера. Только через рассмотрение этой связи идей русского и немецкого писателей мы можем в целом выявить оригинальность эстетики Достоевского.

Заключение

Таким образом, рассмотрение идейного взаимодействия Достоевского и Шиллера в области эстетики и в частности рецепции «Писем об эстетическом воспитании человека» в статье «Г-бов и вопрос об искусстве» позволяет нам посмотреть в новом свете на контекст формирования оригинальной авторской философии Достоевского. В исследовательской литературе, зачастую чрезмерно привязанной к филологии, Шиллера часто воспринимают исключительно как писателя и поэта, представителя романтизма и его эстетическую философию часто подчиняют подобной схеме, но в действительности Шиллер не в меньшей степени важен для Достоевского именно как философ. Широта различия между разными схемами периодизации отношения Достоевского к Шиллеру, которые мы находим в исследовательской литературе, во многом как раз и может быть объяснена отсутствием разделения между художественным и идейным влиянием Шиллера на Достоевского. «Эстетические письма» Шиллера, несомненно, являются важнейшим источником вдохновения для эстетики Достоевского, и шиллеровский идеал красоты как гармонии напрямую отразился как в художественном творчестве, так и в публицистике писателя, пока его позиция по вопросу о сущности красоты не стала усложняться и трансформироваться в религиозном контексте более поздних произведений.

Тем не менее, некорректно было бы говорить и о полной содержательной неоригинальности ранних эстетических взглядов Достоевского. Предложенная Достоевским в статье «Г-н -бов» концепция синтеза утилитаризма и эстетизма в искусстве через сознание природной потребности человека в искусстве и универсальной значимости искусства как вне времени, так и в контексте конкретных исторических ситуаций, на теоретическом уровне почти полностью воспроизводит идеи Шиллера об эстетическом воспитании, но в практическом смысле адаптирует ее в более узком контексте русской литературы, что во многом и определяет ее содержательную оригинальность. Если же говорить о значимости Шиллеровских идей в контексте эстетического мировоззрения Достоевского, то мы с одной стороны можем указать на крайне положительную рецепцию идей немецкого автора в творчестве и публицистике писателя 60-ых годов, что позволяет нам поставить под сомнение правомерность выделения в творчестве Достоевского отдельного периода «шиллеровщины»; и с другой стороны мы также должны отметить, что узость проблематики статьи «Г-бов» не позволяет нам говорить о ней ни как об «эстетическом манифесте», предвосхищающем всю последующую проблематику творчества писателя, ни как о некоем едином марке-

ре отношения Достоевского к идеям Шиллера.

Обращение Достоевского к идеям немецкого философа как в ранние, так и в поздние периоды его творчества никак нельзя свести к тем идеям, которые изложены в статье «Г -бов», но именно как отправная точная для оригинальной эстетики Достоевского, как введение в последующую более комплексную и разнообразную проблематику, раскрывающуюся в его художественном произведениях, данная статья по праву занимает особенное значение в контексте достоеведения. В своих великих романах Достоевский рассматривает красоту и как силу способную «спасти мир» и как «поле битвы» добра со злом, и как некое изначальное иррациональное предчувствие «миров иных», и как элемент «благообразия» русского человека, но связующим звеном для всей этой сложной полифонической схемы взаимодействия разных эстетических мировоззрений может служить как раз единый – Шиллеровский романтический исток идейной проблематики Достоевского. В этом смысле рецепция идей Шиллера, как в виде прямого воспроизведения, так и в виде критики или переосмысления является ключевым мотивом самобытной эстетики Достоевского, и идейный диалог с Шиллером продолжается и только углубляется на протяжении всей жизни писателя.

Литература

Богданова О.А. Спасет ли мир красота? Проблема красоты и женские характеры в романном творчестве Ф. М. Достоевского // Новый филологический вестник. 2013. №4 (27).

Вальмонт Н. Достоевский и Шиллер: Заметки русского германиста. М.: Советский писатель, 1984.

Достоевский Ф.М. Г. -бов и вопрос об искусстве (1861) // История эстетики: Памятники мировой эстетической мысли. 1969. №. 5.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); [редкол.: В.Г. Базанов (гл. ред.), Г. М. Фридендер (зам. гл. ред.), В. В. Виноградов и др.] Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1972-1990.

Житкова Л.Н. Эстетика революционеров-демократов // Достоевский: Эстетика и поэтика: Словарь-справочник / науч. ред. Г.К. Щенников. Челябинск: Металл, 1997 [электронный ресурс]. URL: <https://fedordostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/059/> (дата обращения: 10.09.2023).

Кантор В.К. Две родины Достоевского: попытка осмысления. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021.

Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении / пер. с нем. И.С. Андреевой. М.: Республика, 1996.

Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995.

Сканлан Д. Достоевский как мыслитель / современная западная русистика. М.: Академический проект, 2006.

Шиллер Ф. Собрание сочинений в 7 т. Т. 6. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957.

References

Bogdanova O.A. Spaset li mir krasota? Problema krasoti i zhenskie kharaktery v romannom tvorchestve F.M. Dostoevskogo [Will beauty save the world? The problem of beauty and female characters in the novels of F. M. Dostoevsky]. *Noviy filologicheskiy vestnik*. 2013. N. 4 (27) (in Russian).

Dostoevsky F.M. G. -bov i vopros ob iskusstve (1861) [C. -bov and the question of art (1861)], in *Istoriya estetiki: Pamyatniki mirovoy esteticheskoy mysli* [History of aesthetics: Monuments of world aesthetic thought]. 1969. N. 5 (in Russian).

Dostoevsky F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v tridtsati tomakh* [Complete works in thirty volumes], ed. by V.G. Bazanov, G.M. Friedlender, V.V. Vinogradov, etc. Leningrad: Science. Leningrad branch publ., 1972-1990 (in Russian).

Goerner T. The theme of art and aesthetics in Dostoevsky's "The idiot" // *Urbandus Review*. 1982. Vol. 2, N. 2. P. 79-85.

Kantor V.K. *Dve rodiny Dostoevskogo: popytka osmysleniya* [Two homelands of Dostoevsky: an attempt to comprehend]. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnikh initsiativ Publ., 2021 (in Russian).

Louth R. *Filosofiya Dostoevskogo v sistematicheskoy izlozhenii* [Dostoevsky's philosophy in a systematic presentation], transl. from Germ. by I.S. Andreeva. Moscow: Respublika Publ., 1996 (in Russian).

Lyngstad A.H. *Dostoevskij and Schiller*. Paris: Mouton, 1975.

Mochulsky K.V. *Gogol'. Soloviev. Dostoevskiy* [Gogol. Soloviev. Dostoevsky]. Moscow: Respublika Publ., 1995 (in Russian).

Scanlan D. Dostoevskiy kak myslitel' [Dostoevsky, the thinker], in *souremennaya zapadnaya russistika* [Modern Western Russian Studies]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2006 (in Russian).

Schiller F. *Sobranie sochineniy v 7 t. T. 6* [Collected works: In 7 volumes. Vol. 6]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury publ., 1957 (in Russian).

Steiner L. *Dostoevsky as a Romantic Novelist* // Romanticism, Philosophy, and Literature. 2020. P. 335-357 (in Russian).

Valmont N. *Dostoevskiy i Shiller: zametki russkogo germanista* [Dostoevsky and Schiller: Notes of a Russian Germanist]. Moscow: Sovetskiy pisatel' Publ., 1984 (in Russian).

Zhitkova L.N. Estetika revolyutsionerov-demokratov [Aesthetics of Democratic Revolutionaries], in *Dostoevskiy: estetika i poetika: Slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: Aesthetics and poetics: Dictionary-reference book], ed. G. K. Shchennikov. Chelyabinsk: Metal, 1997. [Electronic resource], URL: <https://fedordostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/059/>. (date of access:

10.09.2023).

The Schillerian origins of the problem of aesthetics in the writings of F.M. Dostoevsky

Timofey Kharitonov, postgraduate, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow), tikharitonov@edu.hse.ru

This article contains a characteristic and a periodization of the reception of Schiller's aesthetic philosophy in the writings of Dostoevsky. The comparison of the works of both authors, provided in this article, leads to a conclusion that Schiller's influence is highly significant both for the early and for the late writings of Dostoevsky, but the claim of unoriginality of Dostoevsky's aesthetic philosophy is also subjected to criticism. Even though the ideas of Schiller's “Aesthetic letters” are directly reflected in Dostoevsky's early article “S. -bov and the question of art”, which is sometimes called the aesthetic manifesto of the writer, the specter of problems, which Dostoevsky addresses in his aesthetic philosophy cannot be fully reduced to Schiller's philosophy. At the same time, the dynamics of Dostoevsky's attitude towards Schiller's philosophy can be truly considered as a key factor of formation of the original views of the writer, and the significance of Schiller's influence should not be underestimated even in the period of big novels. These inferences are relevant in the context of the general project of systematic representation of Dostoevsky's philosophical worldview and indicate the necessity of the separation of aesthetics as an independent field of the system of views of the writer.

Keywords: Dostoevsky, Schiller, Aesthetics, Aesthetic education, Harmony, Beauty

For citation: Kharitonov T.I. (2023) The Schillerian origins of the problem of aesthetics in the writings of F. M. Dostoevsky // *Metamorphosis*. Vol. 8. N. 1. P. 9-25.